

ЧТО ИЗУЧАЕТ СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Е. А. ПОПОВ

ПОПОВ Евгений Александрович - доктор философских наук, заведующий кафедрой общей социологии факультета социологии Алтайского государственного университета.

Аннотация. Значительно расширился комплекс социально-гуманитарных наук, в зону внимания и интересов которых попадает культура и процессы ее социальной детерминированности. Пренебрежение или отказ от анализа онтологических характеристик культурного развития зачастую приводит социолога к поспешным и недостаточно аргументированным выводам. В статье раскрываются возможные противоречия, возникающие в этом направлении, и некоторые возможности их преодоления.

Ключевые слова: социология культуры * онтология культуры * культурное целое * сужение предметного поля * культурная динамика

Вопрос, вынесенный в заголовок, только на первый взгляд может показаться неуместным и неактуальным в развитии современной социологической науки - сегодня каждый учебник по социологии культуры, недостатка в которых теперь не имеется, начинается с постановки такого вопроса. Со всей очевидностью можно утверждать полную определенность в границах социологии культуры ее научного аппарата, закрепления научного статуса и т.д. Но разнообразие трактовок того, что же на самом деле изучает или должна изучать социология культуры, лишь свидетельствует о тонкой грани в концептуализации важнейших категорий и принципов социокультурного знания. В связи с этим отчетливо выделяются по крайней мере три проблемы, которые не позволяют дать уверенный ответ на вопрос - что изучает социология культуры?

Во-первых, направленность развития современной социологии (тенденции ее монопарадигмальности или обратного развития) обнаружила серьезное расслоение методологического пространства, разграниченного частными взглядами на социальные проблемы и отсутствием универсализации социогуманитарного знания. Это в общем-то привело к тому, что объект и предмет социологии очерчиваются, по всей видимости, исходя из частнонаучных взглядов и представлений.

Во-вторых, крайне противоречивы мнения и убеждения относительно самой культуры. Как известно, огромное количество определений и версий происхождения человеческой культуры может завести исследователя очень далеко и в хронологических рамках изучаемого феномена, и в получении доказательных выводов, позволяющих более вразумительно соотносить культуру с другими явлениями и процессами жизни и деятельности человека и общества. Постмодернистские характеристики, которые обращали на себя внимание некоторое время назад (соотносившие, например, развитие культуры с тем, как мухи самоочищаются от грязи [*Эшштейн, 1997*]), постепенно стали уходить на

второй план. Но в сознании многих людей проявляются куда более рациональные стереотипы в понимании культуры - например, группы студентов высших учебных заведений в зависимости от своей профессиональной ориентации утверждают за культурой статус *биологической культуры*, *сельскохозяйственной культуры*, *бухгалтерской* и т.д. В то же время и в научном дискурсе имеется довольно значительный опыт соотношения культуры с самыми разнообразными явлениями и сторонами человеческого и общественного бытия: так, Н. Н. Зарубина, рассуждая о *культуре богатства*, тем не менее признает, что пока этот феномен "не имеет однозначного определения" [Зарубина, 2008, с. 14]. Разумеется, представить дефиницию культуры "чего-либо" крайне сложно - хотя бы потому, что культура давно рассматривается не только как набор "инструментальных свойств" бытия, но и как совокупность символических кодов, нуждающихся в конвенционализации.

В-третьих, для социологии культуры остается непроясненным вопрос относительно доминирующего вектора конкретного социологического исследования. Утверждение о приоритете прикладного начала в выяснении бытования человека, общества и культуры не является абсолютным и по-прежнему вызывает больше споров, чем согласованных действий социологов-исследователей. Поэтому давно стала нормой конституализация реальных процентов человеческих индивидуальных и коллективных потерь, связанных с агрессивной социальной средой и социальным напряжением, но при этом практически не берутся во внимание онтологические характеристики культурного развития. В этом смысле социология культуры предстает прежде всего как наука о трансформации традиционных культурных форм и универсалий, тогда как социология культуры преимущественно должна быть, как нам кажется, наукой о духовно-нравственной детерминации социальных изменений. В этом статусе данная отраслевая социология, внимание которой направлено на формы проявления *культурного целого*, могла бы избежать многих системных противоречий, среди прочих - неизменной ориентации на "градус" общественного мнения в оценке состояния культуры, определяемый чаще всего увлечениями, модой, эстетическими вкусами или привычками. Но в этом случае, как известно, изменения в культуре связываются с порочными процессами вестернизации, глобализации и др., которым традиционно приписывается негативное воздействие по отношению к доминирующей культуре и ее субкультурам.

Современная социология культуры обнаруживает интерес к таким сферам бытия, которые французский поэт Шарль Бодлер назвал бы "цветами зла" - именно в таком ключе анализируется культурная реальность. Круг проблем, к которым внимание отраслевой социологии остается неизменным в течение уже длительного времени, позволяет сделать вывод об ориентированности научно-исследовательского дискурса на проблематику *отчуждения* социально мыслящего человека и социальной реальности. Отчуждение социологи "увидели" и "подхватили" оперативно и сумели доказать неотвратимость трансформаций всех без исключения онтологических структур культуры. Бездуховность, танатальность, выхолощенность, аномия и антиценности - это лишь небольшой, но, пожалуй, самый показательный список утрат человеческого индивидуального и коллективного бытия. Вместе с тем "поток" социокультурных проблем с каждым десятилетием существенно расширяет свои горизонты и все более приобретает выраженный антигуманистический характер. Когда социологи в своих эмпирических исследованиях обращаются к мнению экспертов - государственных и муниципальных служащих, занимающих должности в комитетах и отделах культуры административных органов, они не могут не обратить внимания на явную диспропорцию в их взглядах на развитие культуры, которое соотносится с досуговой и развлекательной стороной жизнедеятельности человека и общества. Но даже студенты социологического факультета на ранних курсах способны увидеть за этими экспертными мнениями не проблемы самой культуры, а невозможность выйти за рамки стереотипного "инструментального" восприятия *культурного целого*. Таким образом, социология культуры, акцентируя системные противоречия в раз-

витии культуры, должна не уклоняться в сторону их шаблонизации, проистекающей прежде всего из меркантильных взглядов и экономической заинтересованности в получении выгоды от культуры.

Социология культуры не может оставаться не причастной к тем изменениям, которые связываются с этнонациональной спецификой культурного развития. Отвлеченный образец научного поиска в границах отраслевой социологии, как правило, оказывается далеко небезупречным и по преимуществу декларативным. Поэтому вопросы теоретического изучения ценностей, культурных норм, процессов культурной динамики и др., давно уже актуализированные в социогуманитарном научном контексте, требуют их соотнесения с теми особенностями развития культуры, которые проясняют ее национальную самобытность и ментальность ее носителей. Социологи по возможности обходят стороной этот аспект проблемы, а между тем он представляется достаточно важным. Отсутствие внимания к этнонациональной специфике развития культуры в прикладном социологическом исследовании в значительной степени осложняет понимание сущностных свойств культуры, ее смыслового полифонизма, возникающего во многом из-за возросшего масштаба социальной напряженности в обществе. Такое невнимание к национальному ракурсу культурного анализа объясняется, во-первых, возможным расширением предметного поля социологии культуры и его пересечением, например, с этносоциологией, социологией религии и т.д., а во-вторых, отстранением на второй план онтологических характеристик развития культуры, которые традиционно для социологии соотносятся с философским, а не социологическим исследованием. И первая, и вторая причины могли бы стать для социологии культуры камнем преткновения в обоснованном выборе методологической направленности исследования, что может привести к неаналитичности полученных данных, их противоречивости. Распространенным заблуждением социологов в этой связи является отвержение культурной онтологии как таковой и однозначное утверждение приоритетов прикладного начала в изучении культуры над теоретической рефлексией, имеющей большее отношение к философии культуры.

Данные, получаемые социологами в изучении этнонационального своеобразия человеческой культуры, представляют безусловный интерес не только с точки зрения социальной детерминированности культурных изменений, но и в плане "стабилизации" предметного пространства социологии культуры. В этом пространстве должны не просто декларироваться ценности или антиценности, вызванные теми или иными преобразованиями в обществе; рефреном должна звучать мысль об отражении всей социальной реальности в ценностях, обусловленных менталитетом и национальным характером носителей культуры, с одной стороны, а с другой - влияющих на формирование этих свойств человеческой природы. Как полагает А. Г. Здравомыслов, "...именно *культурная традиция* формирует определенные склонности и предустановки в социологической исследовательской практике. Именно этот тезис заслуживает внимания и может быть развернут на основе *выявления специфики ценностного содержания национальных культур* (курсив автора цитаты. - Е. П.)" [Здравомыслов, с. 5]. Изучение культурных традиций должно строиться не по принципу их перечисления от позитивных до негативных, а на основе моделирования возможного социокультурного равновесия, достигаемого гармонией этнонациональных черт культурного развития и универсалий социальной реальности. Такой прием позволит исключить излишнюю драматизацию ценностных трансформаций в современном обществе, свойственную большей части социокультурных исследований.

Особое значение в социологическом дискурсе, как нам кажется, должно иметь пристальное внимание к мировоззренческим ипостасям культурного развития - в этом смысле современной социологии культуры во много раз ближе становится экзистенциальная социология, интерес которой простирается в глубинные структуры бытия, объясняющие трансформацию человеческого поведения и особенности реакции на него со стороны общества. Показательно в связи с этим мнение о том, что

"И "Вишневый сад" обращается к языку экзистенциальной социологии: в событиях пьесы зарегистрирован действительный, исторически верифицируемый социальный конфликт уходящего господствующего класса с новым, но здесь он не сводится к конфликту социальных сил - тут прежде всего конфликт ментальностей, жизнеощущений, способности межчеловеческого общения и понимания" [Сендерович, с. 177]. Этот принцип объективации бытийных структур как нельзя красноречивее свидетельствует о необходимом ракурсе социологического "проникновения" в жизнь, мир, человека, культуру - экзистенциальном. Именно под этим углом зрения в предметном поле социологии культуры возможно достичь должного отношения к онтологическим формам культуры. Поэтому совершенно недостаточным и легковесным представляется сегодня такое исследование культуры, ее многообразных форм, в котором конфликт ценностей представляется только как конфликт социальных институтов или социальных групп, в то время как ценностный мир отражает широчайший спектр культурной динамики: слом поколений, преемственность фактов исторической памяти, социокультурное кодирование реальности и т.д. По-видимому, для социологии культуры должно стать необходимым погружение в такие ментальные структуры. В этом случае речь не ведется о каком-либо формальном расширении предметного пространства социологической науки, а, напротив, утверждается ее "стереофонический" ракурс, который должен преодолевать монологизм в прикладном социологическом исследовании. П. Штомпка, к примеру, признает необходимость "формирования социологического воображения", под которым в частности понимается комплексный навык, способности, состоящие в возможности "понимать глубокие, скрытые *структурные и культурные ресурсы* (курсив автора цитаты. - Е. П.) и сдержки, влияющие на социальную жизнь..." [Штомпка, с. 64]. К этому, пожалуй, стоит добавить мысль о безусловной важности такого понимания не только в социологическом воображении, часто эклектичном, но и в процессе рождения и отстаивания правоты "социальной теории". Это обстоятельство, кстати, Штомпка также отмечает, полагая, что на смену "узко заданной "социологической теории", порождаемой методологическими исканиями и метаниями, в социогуманитарном знании свои позиции должна актуализировать "социальная теория", пересекающая "межтеоретические, а также междисциплинарные границы"" [Штомпка, с. 71].

Очевидным диссонансом звучит мнение о целенаправленном сужении предметного поля социологии культуры, которое может быть вызвано следующими причинами. Во-первых, "распадением" социологии культуры на множественные подотрасли, что затрудняет концептуальное развитие социологии культуры, нарушает ее методологическую основательность и целостность. Так, "архитектура в социальном измерении" становится отправной точкой для позиционирования соответственно социологии архитектуры. При этом отмечается, что "в отличие от социологии города, региональной социологии, социологии планирования, жилища, объектом социологии архитектуры следует считать сооружения и постройки в их реализованном виде" [Делитц, с. 116]. Как видим, даже в рамках едва оформившейся подотрасли социологии культуры, каковой социология архитектуры является, предметное поле чрезмерно сужается - до конкретного сооружения или возведенной в конкретном месте постройки. Нужно понимать, что названные в качестве объекта социологии архитектуры артефакты не могут длительное время оставаться в зоне внимания "большой" социологии, если они исследуются преимущественно сквозь призму эпохальной стилистики или в аспекте, например, жанрового своеобразия (эту область затрагивает искусствоведение). Между тем выведение за скобки научного анализа в социологии онтологической проблематики, отражающей покинутость, оставленность человека в большом городе, подавление его воли индустриальной архитектурой, способно существенно исказить социокультурную реальность. Здания и сооружения, жилые помещения рассматриваются как источники комфортности, социального удобства, как доказательства элитарности их обладателей или, напротив, убогости человеческого существования - именно таковы зачастую критерии

"социального измерения" каких-либо феноменов или явлений окружающей реальности. Какие могут быть сделаны на основе такого исследования выводы? По-видимому, их суть будет сведена к традиционному утверждению трансформации ценностей и ценностных ориентаций без ссылки на онтологический смысл указанных преобразований. Но взгляд социологии культуры должен простирается дальше признания таких метаморфоз - они уже вполне обрели стандартные формы репрезентации в социальной реальности, поскольку культурная динамика объективно меняет бытие человека, общественную жизнь. Поэтому *трансформация* по сути *закономерна*.

Сужение предметного поля социологии культуры, во-вторых, связывается со все чаще возникающим отмежеванием прикладной стороны социологического исследования от его теоретической концептуализации. Очевидны серьезные просчеты в этом плане. Прикладное исследование изначально лишено рефлексии, в нем жизненно важен и необходим строгий математический уклад. Но исследование должно быть методологически обоснованным, подкрепленным совокупностью знаний и представлений, придающим целостность и логичность научному поиску, в нем должна присутствовать мировоззренческая рефлексия. В этой связи нам кажется нелепым спор о том, как должен "выглядеть" социологический *анализ* в отличие от социологического *исследования*. Аргументы отнесения социологического анализа к теоретической стороне изучения социального факта, а соответственно социологического исследования к получению практико-ориентированных результатов такого изучения по-прежнему отражают классическую для современной социологической науки оппозицию теоретической рефлексии и упорядоченной и унифицированной прикладной (конвергентной) практики. Такое противопоставление затмевает вопрос о *поли-* или *монопарадигмальной* ориентации современной социологии и заставляет социологов изобретать эклектичные формы совмещения различных полюсов или корреляций социального знания, что зачастую бывает малоубедительным и вызывает множество дополнительных вопросов. По-видимому, в утверждении о том, что "социологи различают как минимум два подхода к анализу культуры - социологию культуры и культурологию" [Култыгин, с. 24], может тоже скрываться смысл "спора" за социологический *идеал*. Между тем в сравнении социологии культуры и культурологии очевидна цель выявления предметного поля этих дисциплин - прежде всего. Как раз в этом случае на вопрос о том, что изучает социология культуры, можно дать вполне приемлемый ответ: "Социология культуры считает социальную жизнь проявлением социального, полагая наличие за каждой системой идей соответствующих институтов и образцов поведения" [Там же]. В границах социологии культуры ее предмет - социальная жизнь, в границах культурологии - многообразные формы социальной жизни. Поэтому, например, выяснение отношения населения к религиозности с точки зрения социологии культуры актуализирует притяжение (или неприятие) институциональных форм данного феномена, а в аспекте культурологического изучения - его онтологические характеристики: "...культура - дерево... Оно может беречь, охранять от палящего солнца и холодных ветров, а может иссушать эту почву, отравлять, погубить ее плодородие" [Андреев, с. 47].

Близость предметных полей культурологии и социологии культуры не подлежит сомнению - понимание культуры, интерпретации ее многообразных форм невозможны вне социального контекста, но в равной степени не представляются без опоры на бытийные смыслы человеческого индивидуального существования. Факт тесного сотрудничества социологии культуры и культурологии в создании единого объектно-предметного континуума подтверждается и самостоятельным оформлением в научном дискурсе такой исследовательской области, как социальная культурология, которая проникает в методологический "зазор" между *социокультурным* и собственно *культурным*. В социогуманитарном знании вопрос о границах "социокультурного" и "культурного" не решается однозначно и вызывает множество дополнительных коннотаций. Между тем проблема эта достаточно серьезна и требует пристального

внимания со стороны социологической науки. Игнорирование неравнозначности этих категориальных систем приводит к заметным "диспропорциональным" ошибкам в интерпретации данных социологического исследования. Но уже сейчас можно говорить о том, что дифференциация этих категорий определяется четкой ориентацией социологии соответственно на теоретическое и прикладное направления исследования. Так, смысл *социокультурного* актуализируется в рамках социологии культуры, а смысл *культурного* приобретает звучание в культурологическом анализе. Такое разграничение не является абсолютным, а сочетание этих двух сфер следует признать необходимым условием получения верифицируемых результатов социологического исследования.

Вопрос о том, что изучает социология культуры, связан с противоречивой тенденцией современной социологии к многократному расщеплению (диверсификации) предметного пространства. Выступая на пленарном заседании в связи с открытием III Всероссийского социологического конгресса "Социология и общество: пути взаимодействия" (21 - 24 октября 2008 г.), ректор МГУ им. М. В. Ломоносова академик В. А. Садовничий выразил неподдельное удивление быстрому приросту социологических отраслей, среди которых выделяются социология праздников, социология финансового поведения и т.д. Действительно, в противовес естественнонаучному знанию, очевидно тяготеющему к конвергентности предметных областей, эвристическая ценность социологического знания без преувеличения раскрывается в гипертрофии предметных полей. К сожалению, не всегда это подкрепляется спецификой методологии, особенностями использования тех или иных эмпирических методов исследования в конкретной отрасли социологии, необходимой концептуализацией основных категорий и их включением в общенаучный дискурс - одним словом практически любая отраслевая социология бытует лишь вокруг какой-то своей, часто неопределенной "планеты". В этом смысле, думается, социология культуры все же имеет более надежные перспективы в сохранении своего научного статуса, поскольку объективно актуализирует те сферы человеческой коллективной и индивидуальной жизнедеятельности, которые объединены под веским и звучным именем *культура*.

Возвращаясь к сложностям в определении термина *культура*, стоит обратить внимание на некоторые противоречия, которые заставляют социологов культуры искать дополнительные возможности для конкретизации своего "отраслевого" предметного пространства. Традиционен подход, согласно которому культура обнаруживает ярко выраженные социальные коннотации на определенном этапе своей динамики, а в иных обстоятельствах они существуют латентно, превращаясь в слепки с действительности - культурные формы. Об этом Г. Зиммель в статье "Конфликт современной культуры" писал: "О культуре мы можем говорить только тогда, когда творческая стихия жизни создаст известные явления, находя в них *формы* (курсив наш. - *Е. П.*) своего воплощения; явления эти принимают в себя набегающие волны жизненной стихии, придавая им содержание и форму, порядок и предоставляя им известный простор..." [Зиммель, с. 494]. В современном приближении выделяются уровни "надбиологических программ", раскрывающие смыслы культурного развития. "Первый - это реликтовые программы, осколки прошлых культур, которые живут и в современном мире, оказывая на человека определенное воздействие <...> Второй уровень - это слой программ, которые обеспечивают сегодняшнее воспроизводство того или иного типа общества. И, наконец, третий уровень культурных феноменов образуют программы социальной жизни, адресованные в будущее. Их культура генерирует за счет внутреннего оперирования знаковыми системами" [Социологическая энциклопедия, с. 526]. Как видим, культура в многообразии своих форм, феноменов, явлений и процессов приобретает наиболее четко выраженные социальные смыслы и закономерности - "программы социальной жизни" - только в условиях, когда возможно оперирование знаковыми комплексами. Очевидно, что эта возможность актуализируется при наличии адекватных конвенциональных систем дешифровки этих знаковых систем. Про-

блема соотношения культурных смыслов с программами социальной жизни чаще всего и рассматривается социологами в качестве отправной точки в научно-исследовательской практике. Но решение этой проблемы выходит далеко за границы социологии, а значит, требует привлечения дополнительных данных, получаемых из различных источников. Но происходит обратное - отсекается все "лишнее", которое, например, имеет выраженный теоретический характер, а не прикладной, опытный. Возникает в этом случае заметная диспропорция - постановка во главу угла генеральной "фигуры" исследования, которая в течение непродолжительного времени обрастает всем необходимым для формирования научной отрасли набором атрибутов - и методологией, и актуальностью, и научной значимостью. По всей видимости, именно этим и объясняется стремление предельно сузить объектно-предметное пространство социологической науки до какого-то одного существенного факта или события социальной жизни. Но осуществляется это, как правило, не за счет установления необходимых междисциплинарных связей и отношений, например, с историей, психологией, лингвистикой и т.д., что было бы, на наш взгляд, более верным направлением научного поиска. Очевидно, что такое "самоограничение" вынуждает исследователя создавать декларативные теоретические выкладки, напоминающие реферативные обзоры и не имеющие, по сути, связи с предпринимаемым социологическим изучением того или иного социального явления или процесса.

Важным представляется характер межпредметных связей в социологии. Эта общенаучная тенденция социогуманитарного знания приобретает особое значение, поскольку вне контекста межпредметного взаимодействия невозможно рассчитывать на эвристичность главных результатов, полученных в ходе исследовательского поиска. Актуально такое взаимодействие и для социологии культуры, впрочем, как и для любой другой отрасли социологического знания. Но и в этом случае обнаруживается проблема, которая приводит к явному "зужению" предметного пространства социологии культуры. Ведь к чему сводятся подобные межпредметные отношения? Прежде всего к возникновению междисциплинарных интересов в рамках одной *-социологической*, а не нескольких различных научных областей, что являлось бы более закономерным и значимым. Строго говоря такие связи и нельзя в полной мере назвать межпредметными, если они всего лишь апеллируют к "соседней" социологической отрасли. Для социологии культуры круг таких отраслей определился довольно давно. Речь идет о социологии искусства, социологии духовной жизни, социологии религии, этносоциологии. Такое взаимодействие главным образом скрывается за продолжительным спором относительно концептуализации основных категориальных систем, соответственно искусства, духовной жизни, религии и т.д. Использование каких-либо особенных социологических методов в исследовании указанных феноменов вряд ли возможно - как известно, одни и те же приемы и технологии перетекают из одной отрасли социологии в другую. Но для социологии культуры приоритетной в межпредметных связях должна оставаться ставшая в последнее время едва уловимой связь с философией, онтологией культуры.

Итак, что же изучает социология культуры? Вряд ли имеет значение утверждение о том, что социология культуры исследует собственно культуру - вернее, это недостаточно справедливое утверждение. В наши дни невозможно представить себе достаточно четко, как "выглядит" *наука о культуре*. Очевидно, что социология культуры - это все же *наука об обществе*, программы жизнедеятельности и жизнеспособности которого определяются в культурном пространстве - самой культурой как совокупностью онтологических кодов и знаков, человеком, носителем культуры и социальных связей, созидающим и разрушающим эти коды, природной средой, очеловеченной и естественной, космосом - физическим и метафизическим. Не следует в масштабе современной социологической науки намеренно ограничивать предметное поле в изучении культуры, ее многообразных форм и проявлений; необходимо соотносить культурное целое с миром человека, социальным космосом, межпоколенными трансляторами ценностей и норм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреев И. Л.* Осторожно с "часами" истории! // *Вопр. философ.* 1998. N 9.
2. *Делитц Х.* Архитектура в социальном измерении // *Социол. исслед.* 2008. N 10.
3. *Зарубина Н. Н.* Деньги и культура богатства: перспективы социальной ответственности бизнеса в условиях глобализаций // *Социол. исслед.* 2008. N 10.
4. *Здравомыслов А. Г.* Тройственная интерпретация культуры и границы социологического знания // *Социол. исслед.* 2008. N 8.
5. *Зиммель Г.* Избранное: В 2-х т. Т. I. Философия культуры. М., 1996.
6. *Култыгин В. П.* Тенденции в европейской социологической теории начала XXI века // *Социол. исслед.* 2001. N8.
7. *Сендерович С. А. П.* Чехов и Л. И. Шестов. А также кое-что об экзистенциальной социологии // *Вопр. литературы.* 2007. Вып. IV.
8. *Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т. I / Национальный общественно-научный фонд / Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; Главный редактор В. Н. Иванов. М., 2003.*
9. *Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // *Социол. исслед.* 2005. N 10.
10. *Эпитейн М.* Самоочищение. Гипотеза о происхождении культуры // *Вопр. философ.* 1997. N5.